

МЕСТОРОЖДЕНИЕ ДЮМО

После неудачной экспедиции на месторождение Гейцзю я пребывал в печали. Деньги на экспедицию потрачены, а она не состоялась. Декан Ся Вейхуа всячески меня утешал. Он рассказал, что на том месторождении главным геологом работает его ученик, который обещал прислать образцы всех разновидностей магматических горных пород, какие я захочу. Конечно, это суррогат научного исследования. Геолог должен все увидеть сам и потрогать своими руками. И потом до хрипоты спорить с другими геологами, отстаивая свою правоту.

Лао Ся пообещал, что университет изыщет дополнительные средства на вторую экспедицию, если придет разрешение на посещение другого месторождения. В душе теплилась надежда, что мне повезет. И вот, наконец, пришло долгожданное разрешение на посещение оловорудного месторождения Дюмо в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Этот район находится на Юге Китая, в бассейне р. Сицзян в границах бывшей провинции Гуанси. Помимо китайцев (хань), он населен чжуанами, а также национальными меньшинствами – яо, мяо, тун и др. Административный центр — г. Наньнин. На территории района находится город Гуйлинь, окрестности которого считаются самым красивым районом в Китае.

«Нет пейзажа красивее Гуйлиньского» – говорят китайцы.

Большая часть территории района — сильно расчленённые низкогорья, на которых растут вечнозелёные леса и текут многоводные реки системы Сицзяна. В горах разрабатываются месторождения руд марганца, олова и каменного угля.

На поезде мы приехали в Лючжоу (город дракона) Гуанси Чжуанского автономного района. Город стоит на реке Люцзян, окруженный причудливыми известняковыми горами. В зимнее время года уровень реки очень низкий, но в весеннее половодье он поднимается на семнадцать метров по сравнению с меженью.

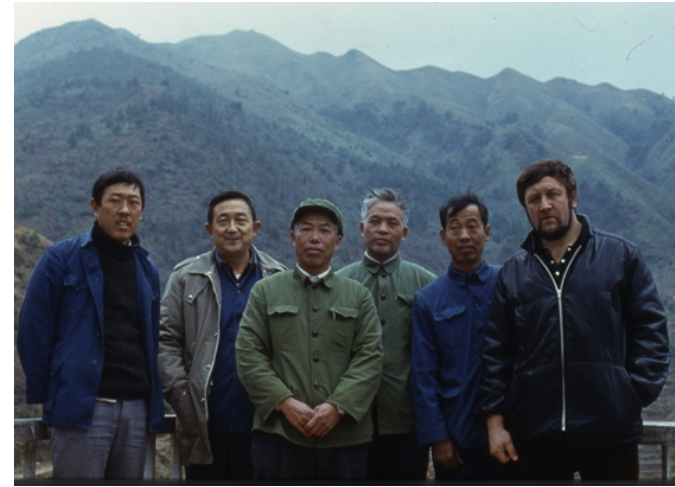
Лючжоу, тропический карст.

Мы гуляли по городу, когда за нами пришла машина горнорудной компании. ГАЗ-69, сделанный в Китае, сразу отправились в путь. Живописная дорога шла вдоль реки по долине, расчлененной рисовыми чеками, а в отдалении возвышались горы – причудливые башни, конусы и купола высотой более трехсот метров. Нередко они смыкались основаниями или разделялись узкими «карстовыми переулками». Поверхность гор сильно изъедена карами – глубокими параллельными бороздами и ветвистыми лабиринтами. На склонах, покрытых яркой зеленой растительностью, чернели устья пещер и колодцев.

День выдался пасмурный и вершины некоторых гор терялись в облаках. Стал накрапывать дождь – первый враг геолога. Я молил небо, чтобы погода наладилась и позволила мне совершить геологические маршруты. Постепенно облака разошлись, и сразу посветлело. Красивые гуйлинские пейзажи остались позади, и дорога втянулась в предгорья. Склоны покрывали густые заросли бамбука, специально высаженные плантации. Я увидел как растет бамбук – из земли сразу вылезают конусовидные побелы разные по толщине от тоненьких с карандаш, до толстых в пятнадцать сантиметров в диаметре и растут они только в высоту. Срубленные бамбуковые стволы вязали в плоты и гнали вниз по бурным рекам. Горы становились все выше, а борта долин круче. Иногда дорога подходила к самому краю обрывистого берега. Тогда мы выходили из машины и шли вперед пешком, так как после дождей оползни часто смывали дорогу в бурную реку.

Наконец, через десять часов утомительной езды прибыли в поселок Дюмо – центр горнорудной компании. Два каменных трехэтажных дома и три десятка построек поменьше – вот и весь поселок.

Нас встретили начальник рудника, главный инженер и парторг. Все они учились в уханьском геологическом университете у Лао Ся.

Экспедиция на оловорудное месторождение Дюмо. Слева направо: водитель машины, профессор уханьского геологического университета Ся Вэйхуа, главный инженер, начальник и главный геолог рудника.

После знакомства нас отвели в обширное деревянное строение, что-то вроде общественной столовой. Обед поразило обильностью и многообразием блюд. Не хуже, чем на банкетах провинциального уровня, на которых должно подаваться не менее двадцати двух блюд. На столе красовалась утка, поросенок, большая рыба, мясные закуски, салаты и много других деликатесов. Конечно, присутствовали сунхуа дан – особым способом приготовленные яйца, которые закатывали в пасту из соли, извести, золы, соды и различных ароматических приправ. Затем их зарывали в землю или помещали в специальные сосуды на несколько месяцев, или даже лет. В процессе гашения извести развивалась высокая температура и яйца варились вкрутую. Нарезанные на дольки и поданные к столу яйца имели совершенно жуткий цвет желтка и белка. На одном из банкетов я, по рекомендации Кусаинова, отведал это блюдо. В целом оно оказалось съедобным, но организм со мной категорически не согласился, и больше я его не напрягал.

Сунхуа дан «императорские яйца»

Начальство рудника и гости уселись за стол. Прислуживал повар, который смотрел на меня с восхищением и старался положить мне самые вкусные куски. Парторг на русском языке объяснил, что я второй иностранец, посетивший эти места. Приятно чувствовать себя первопроходцем типа Марко Поло. Конечно, на столе присутствовала бутылка водки, разливаемая в крошечные как наперстки металлические рюмочки.

Я поблагодарил руководство рудника за гостеприимство и провозгласил тост за советско-китайскую дружбу: «Сулянь – Чжунго, гэ миньцзуцзяньды юи гуаньси!»

Все чокнулись рюмками. Со словами: «Гань бэй!» (до дна!) я лихо выпил свой наперсток одним махом. Повар даже захлопал в ладоши от восторга. Я сел с невозмутимым видом специалиста высшей квалификации: «Мол, я еще и не то могу!»

Эх, если бы повар видел, как я залпом выпил сразу целый стакан «коктейля Молотова» с красным перцем и чесноком, он зауважал бы меня еще больше. Не зря советские специалисты с гордостью называли себя «Ганьбеевцы».

Меня поселили в общежитии рудника. На галерею второго этажа выходили двери небольших комнат, в которых

стояли двухэтажные железные кровати как в солдатских казармах. Лао Ся и У Ганьго тоже хотели поселиться вместе со мной в общежитии, но их пригласил к себе в гости начальник рудника. Местные геологи с огромным уважением относились к своему учителю.

Я с комфортом устроился в своем жилище, разобрал рюкзак, разложил на соседней кровати вещи и сел за маленький столик у окна изучать геологическую карту месторождения, предоставленную мне главным геологом. В десять вечера отключили свет, но у меня в запасе имелись свечи и электрические фонари. В одиннадцать часов я лег спать, зная, как рано в Китае начинают работать.

В предрассветном сумраке едва обозначился контур окна. Светало быстро. Вершины гор, окружавших поселок Дюмо, уже позолотило утреннее солнце. С крутых склонов в открытую дверь хлынул голубовато-прозрачный и удивительно вкусный горный воздух.

Прихватив мыло, зубную щетку и кружку, я вышел на галерею с целью разведать место для умывания. Перед моей дверью толпились дети. Они вели себя удивительно тихо, чтобы меня случайно не разбудить и при появлении сразу радостно зашумели.

– Нинь хао! – поздоровался я.

– Нинь хао! – дружно в один голос ответили ребята.

«Какие же они все лапушки!» – отметил я про себя, раздавая детям значки, открытки и всякие мелкие сувениры. Ребята были просто счастливы.

Потерев лицо ладонями, я жестами объяснил, что собираюсь умыться. Дети сразу поняли, и несколько человек вызвалось меня проводить.

Моя комната закрывалась на висячий замок, но запираться при детях дверь было как-то неловко.

«Не обворуют же меня, в конце концов», – подумал я, и оставил дверь открытой.

Меня привели на небольшую площадь в центре поселка. Из земли торчала железная труба с краном, из которой вода текла в бетонный желоб. К трубе выстроилась целая очередь детей с эмалированными тазиками в руках. Они по очереди наполняли их водой. Наконец-то я понял, как умываются китайцы и для чего нужны крохотные махровые полотенца и тазики. Ребята набирали в тазики холодную воду, добавляли из термосов немного горячей, смачивали маленькое полотенце и слегка его намывали. Затем они обтирали влажным полотенцем лицо руки и шею.

Полотенце и тазик я не захватил и скромно встал в конец очереди. Но ребята дружно пропустили меня вперед. Умываться из трехсотграммовой кружки было как-то неприлично.

Несмотря на прохладное утро, я скинул рубашку и, оставшись по пояс голым, облился ледяной водой. Население поселка с восторгом наблюдало, как с фырканьем моется огромный бородатый Сулен, волосатый, словно дикий зверь. Мне и самому показалось, что своим видом я слегка шокировал аборигенов. Думаю, что в поселке Дюмо до сих вспоминают о диких нравах Запада.

В моей комнате на столике у окна появилась жестяная банка с букетиком скромных горных цветов. Их подарили дети.

В столовой за завтраком повар неожиданно предложил мне выпить водки из бутылки, оставшейся от вчерашнего ужина. Я категорически отказался, но повар только улыбнулся и показал, что убирает бутылку в шкафчик и вечером можно снова выпить. И тут вдруг я почувствовал, что на меня из всех щелей, даже с потолка, смотрят глаза любопытных ребят.

После завтрака главный геолог показал мне обогатительную фабрику. На месторождении добывали касситерит – минерал, из которого выплавляют олово. В просторном помещении стояли концентрационные столы – устройства

для промывки руды – наклонные желоба с поперечными порожками, за которыми и накапливался тяжелый касситерит. Главный инженер подарил мне крупный кристалл касситерита медового цвета.

Но меня тянуло в геологический маршрут в окрестностях месторождения. Дело в том, что месторождение Дюмо образовалось около интрузии гранитов на глубине нескольких километров и за сто миллионов лет в результате эрозии и подъема земной коры оказалось на поверхности. В окружающих известняках и ультраосновных породах – перидотитах на контакте с гранитами образовались специфические породы – скарны. В них и находили касситерит. Из научных статей китайских геологов, я узнал, что в местных гранитах содержания олова сильно превышали Кларк – среднемировую величину. То, что около массивов таких гранитов располагаются месторождения касситерита – обычное явление.

А мне очень хотелось узнать какие содержания олова в более ранних, чем граниты, основных и ультраосновных породах, которые, несомненно, имели мантийный источник вещества. И пробы на химический анализ собирался отобрать из габбро и перидотитов на значительном удалении от контакта с гранитами. Мне хотелось доказать, что в оловорудных провинциях все магматические горные породы обогащены оловом, источником которого являлась мантия Земли. И я намеревался собрать дополнительный материал для подтверждения своей гипотезы.

Наконец мы отправились в маршрут. На геологической карте района я еще вчера наметил точки отбора проб. Для этого пришлось лезть на крутую гору.

На обнажениях я отбирал пробы горных пород и образцы для шлифов. Приятно удивил своей прочностью китайский молоток с резиновой ручкой, и Лао Ся пообещал, что после экспедиции он попросит хозяйственный отдел университета оставить этот молоток мне на память о Китае.

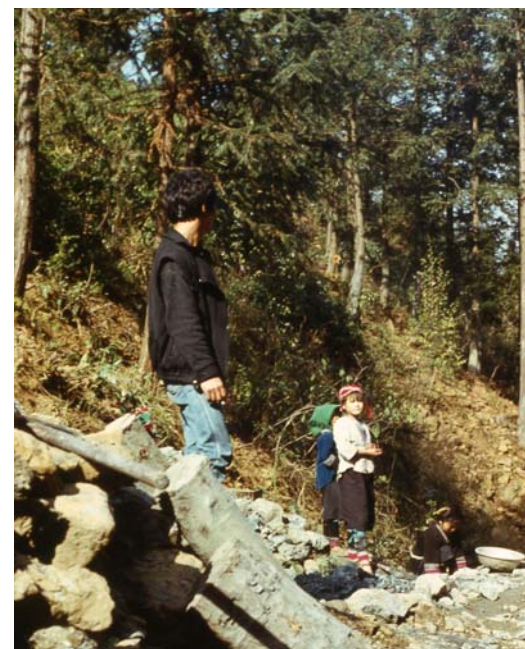

На месторождении Дюмо.

Видны площадки, подготовленные для будущих рисовых чеков.

На склоне я часто встречал группы рабочих, которые проходили шурфы и штольни, как у нас при разведке месторождений. Но, оказалось, что значительную часть руды здесь добывают старательским способом. Местные горняки разрабатывают небольшие скарновые гнезда и вручную лотками отмывают шлик. Касситерит минерал тяжелый с плотностью около семи граммов на кубический сантиметр и поэтому руда обогащается легко. За килограмм обогащенной руды старатели получали десять юаней. Это много, если учесть, что в некоторые дни они добывали до трех килограммов концентрата. Но в дождливые дни оставались без заработка. Обычно работали семьями, включая маленьких детей. Глава семейства кайлом вырубал шурф или

штольню в горе, и чтобы достичь рудного тела использовал взрывчатку. Над закопушками вдоль склона разносился свисток, повторяемый старателями и, все вылезали из своих каменных нор, чтобы не засыпало от сотрясения при взрыве. Раздавался хлопок, и старатели возвращались к своей работе. Жены оттаскивали взорванную породу и дробили в ступках крупные куски, а дети набирали ее в тазы и, спустившись к ручью, отмывали концентрат.

Дети старателей отмывают касситерит.

– Старатели на руднике живут богато, – комментировал У Ганьго, – где еще в этих горах можно заработать такие деньги.

Несколько часов, ползая по скалам и колючим кустам, мы двигались вверх по склону. Я ожидал, что вскоре появится вершина, и можно осмотреть все великолепие местных гор. И вдруг, мы неожиданно вышли на грунтовую

дорогу. Я вспомнил знакомых памирских альпинистов, которые три дня совершали восхождение на шеститысячник, а на вершине обнаружили заросшего, как орангутанг, геолога в ватнике.

Оказалось, что на дорогу мы вышли не случайно. У обочины на корточках сидел парторг рудника и варил что-то в котелке на крошечном костерке. Увидев нас, он радостно закричал: «Хао, хао!», приглашая к обеду. В котелке что-то булькало, источая аппетитный запах мясной похлебки. Лао Ся рассказал, что это блюдо из баранины приготовил главный повар, и прислал мне. Парторг неожиданно достал из кармана знакомую бутылку водки. Повар не забыл и прислал ее мне вместе с обедом.

– Нет, – я категорически отверг выпивку.

– Тогда вечером, за ужином, – усмехнулся У Ганьго.

Осмотревшись, я обнаружил, что всего в сотне метров от нас, там, где на дорогу выходила пешеходная тропа, стоит обыкновенный ларек. На этой пустой дороге он выглядел довольно странно, но в любом ларьке продается вкусное китайское пиво! Я рванул к ларьку и купил четыре бутылки пива. Наконец-то сбылась моя мечта в конце маршрута во время обеда выпить бутылку пива.

На обратном пути еще раз подивился такому непонятному расположению ларька. Вокруг не видно никаких строений, если не считать сделанного из коры непонятного сооружения типа шалаша или хижины, которое я не сразу и заметил. Рядом с хижинкой на обочине дороги на корточках сидел пожилой китаец или мяо с жидкой бородкой клинышком. Перед ним на трехногом железном таганке над огнем спиртовки в металлической чашке булькала коричневая смолистая жидкость, распространяющая характерный запах мумиё.

Горец поздоровался со мной почтительным наклоном головы. Прижимая к груди батарею пивных бутылок, я ответил не менее почтительно.

«Наверное, это местный знахарь варит лечебное снадобье» – подумал я и вдруг почувствовал желание отдать ему бутылку пива. Но благоразумие удержало меня от неуместного панибратства.

Похлебка из баранины оказалась очень вкусной, что-то типа среднеазиатской шурпы. Да еще с пивом.

«Заткнись! – оборвал я внутренний голос, который недовольно ворчал, что не видел в здешних горах ни одного барана. – Сказано баранина, значит баранина!»

На дороге показалась двухколесная повозка, которую тащили за оглобли мужчина и женщина. Тележка поравнялась с нами, и вдруг я заметил, что в ней на сене лежит не крупная лошаденка с закрытыми глазами

Сердце мое дрогнуло от жалости.

«Бедная, – подумал я с горечью, – неужели упала и разбилась на горной дороге?»

Лошадь, каким-то образом, уловила мое сочувствие, и, медленно открыв глаза, печально на меня взглянула.

«Загнали», – прочитал я ее трагические мысли.

Потрясающе, оказывается, я могу читать мысли китайских лошадей. Я где-то слышал, что за передачу мыслей отвечают гипофиз и гипоталамус и общение идет непосредственно из мозга в мозг без перевода, поэтому неважно на каком языке думаешь.

Вдруг вспомнилась печальная история цирковой говорящей лошади, которую поднимали на веревках под купол цирка и оттуда бросали.

«Когда же я, наконец, сдохну!? – В исступлении восклицала лошадь, упав на арену. – И закончатся все мои мучения!?»

И амфитеатр цирка взрывался бурными аплодисментами.

Хозяева лошади остановились и раскланялись с нами, прикладывая руки к груди в знак особого уважения. Как мне показалось, эти знаки внимания предназначались в ос-

новном главному геологу рудника и парторгу – важным начальникам для всех жителей поселка.

Пару минут я провожал взглядом удаляющуюся тележку, из которой торчали безжизненные лошадиные ноги.

Телега остановилась около хижины, и хозяева лошади принялись что-то горячо объяснять знахарю. А он с невозмутимым видом колдовал над своим таганком.

Мы уже закончили обед и собрались продолжить маршрут вверх по склону. Но мне показалось, что у хижины сейчас произойдет нечто интересное. Я раскрыл дневник, и стал записывать выводы по первой части маршрута, краем глаза наблюдая за событиями.

Знахарь достал из бамбукового пенала короткий металлический стержень, напоминающий остроконечную винтовочную пулю с пушистой кисточкой из жесткого волоса на тупом конце. Он взял непонятный предмет за хвостовик и нагрел острие стержня в пламени спиртовки. Затем окунул нагретый конец в кипящую смолу, подошел к несчастной лошаденке и резким движением вонзил острие ей в бок. Но лошадь даже не шевельнулась, а я вздрогнул от неожиданности, как будто это в меня вонзили раскаленный стержень. Около кисточки появилось небольшое облачко сизого пара или дыма.

Знахарь проделал эту операцию еще с десяток раз, втыкая дымящиеся острия в разные места лошадиного крупа. Лошадь стала подавать признаки жизни и пошевелила ногами. Знахарь быстро вытащил из нее острия.

Хозяева помогли лошади встать, и через пару минут усилий лошаденка уже качалась на дрожащих ногах. Тем временем хозяева впрягли ее в оглобли, уселись в тележку и лошаденка, качнувшись, потащилась по дороге.

Проходя мимо нас, лошадь вздохнула и обреченно подумала:

«Откачали. На этот раз пронесло!»

«Вот она фантастическая сила загадочной восточной медицины!» – подумал я.

Хозяева лошади снова остановились напротив нас и, прощаясь, раскланялись с начальством рудника.

После маршрута, на окраине поселка я купил в лавке большой кулек конфет.

– Зачем так много? – удивился У Ганьго.

– Это детям, – объяснил я.

На галерее у дверей в мою комнату стояла толпа ребятшек. Лица их просто сияли от счастья общения с иностранцем из Советского Союза.

Я стал угощать детей конфетами. Мне понравилось, что дети постарше брали конфеты без жадности и тут же отдавали их маленьким.

Детям очень хотелось со мной общаться, но по уверениям У Ганьго они говорили на своем языке национальности мяо, и плохо понимали даже по-китайски. Но когда люди хотят общаться незнание языка не помеха.

– Сулянь, Ленингэлэ, – я постучал пальцем себе в грудь, показывая, что я из Ленинграда.

– Ленингэлэ, Ленингэлэ, Ленингэлэ! – радостно закричали дети.

Отрадно было сознавать, что даже здесь в китайской глубинке знают и уважают Ленинград.

На этом я исчерпал темы для общения на китайском языке. И тут дети пришли ко мне на помощь. Один мальчик указал на единицу, которая украшала двери моей комнаты. Я понял его и сказал:

– Один.

– Один! – Дружным хором повторили дети.

– Два, – я показал два пальца.

– Два! – хором повторили дети.

– Три, – я показал три пальца.

– Три, – воскликнули дети и вдруг засмеялись, радуясь, что общение у нас получается.

Я достал пригоршню значков, которые привез из Советского Союза – с Лениным, Ленинградом и Москвой и раздал детям.

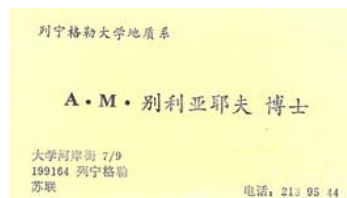
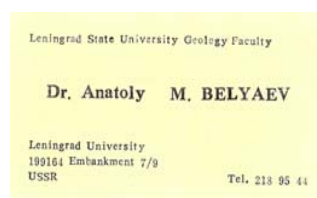
Одна девочка показала пальцем на себя и громко произнесла: Лан! (Я потом узнал, что «лан» по-китайски орхидея). Потом она показала пальцем на меня, явно спрашивая, как меня зовут.

Называть свое полное имя, состоящее из пяти слогов, не имело смысла, и я озвучил сокращенный вариант:

– Толя.

– То ля! – дружно подхватили ребята.

Я вдруг вспомнил про свои визитные карточки, которые получил буквально накануне отъезда в экспедицию. В типографии университета меня заверили, что визитки будут иметь уникальный аромат. И, действительно, сравнивая запахи на многочисленных подаренных мне визитках китайских коллег, я убедился в уникальности моего аромата. На одной стороне визитки текст был по-английски, а на другой моя фамилия написана китайскими иероглифами.

Правда если прочитать иероглифы, то фамилия моя произносилась как Беляефу. В китайском языке нет иероглифа соответствующего нашей букве «в» и поэтому его заменили близким по звучанию (?) иероглифом «фу».

Дети гурьбой склонились над моей визитной карточкой, прочитали фамилию и вслед за смелой девочкой Лан, хором воскликнули:

– Бе-ля-е-фу!

На другой день мы снова отправились в маршрут и работали до темноты. Вечером в столовой за ужином я подарил повару отличный перочинный нож, а он мне искусно выточенный из бамбука пенал с крышкой. На следующий день с утра стал накрапывать дождь и геолог рудника сообщил, что непогода ожидается всю неделю. И мы отправились в обратную дорогу.

По пути в одном из небольших городов, У Ганьго предложил заглянуть на местный базар. Вдоль улицы на корточках сидели торговцы, продающие кухонные ножи-тесаки прямоугольной формы. Я подивился такому образу товара. Но Лао Ся объяснил, что недалеко от этого городка разрабатывают мелкое месторождение железа, в руде которого содержатся легирующие химические элементы. Поэтому, выплаваемый из этой руды металл обладает уникальными свойствами легированной стали. Изготовленные из нее кухонные тесаки и ножи отличаются прочностью, твердостью и хорошо держат заточку. Местные тесаки известны во всем Китае и здесь их дешево продают. Лезвием тесака можно рубить кости и нарезать сырую рыбу или мясо ломтиками толщиной в лист бумаги. Тупая сторона лезвия используется для отбивания и дробления продуктов, а плоскость для их измельчения и переноски. Китайские повара виртуозно обращаются с тесаками.

При виде заезжих покупателей, и среди них одного иностранца все продавцы достали тесаки и принялись аккуратно срубить с края железных пластин тонкие полоски металла, которые сворачивались кольцами. Затем они достали листы тончайшей рисовой бумаги и разрезали их в воздухе на тончайшие полоски, демонстрируя тем самым, что лезвия совершенно не затупились.

– И лезвия совсем не ржавеют? – спросил я.

– Чтобы предохранить тесак от ржавчины и пятен, после каждого использования его насухо вытирают и слегка смазывают растительным маслом, – объяснил Лао Ся.

– Название тесака можно перевести на русский язык с китайского как «нож для мира и войны», – с важным видом добавил У Ганьго.

В Лючжоу мы приехали 31 декабря в канун Нового года. Наш поезд отходил в десять часов вечера, и Новый год предстояло встретить в пути. Но китайцы его не отмечают и никакой радости не проявляют, хотя и живут по европейскому календарю. А мне очень хотелось отпраздновать и успешное завершение экспедиции, и Новый год. Я купил бутылку харбинской водки, вино, ананасы, бананы, и другие экзотические фрукты, названия которых не знал. А хотелось отварной картошечки с селедкой. Ну, кто закусывает водку ананасом? Поезд тронулся. Мои сопровождающие сразу хотели лечь спать. Я с трудом уговорил их отметить Новый год. Они выпили немного вина, захмелели, и все-таки легли спать.

Я тоже прилег, но через пять часов проснулся и встретил Новый год по московскому времени, вспоминая родных и друзей.